

УДК 341.64

DOI: 10.34670/AR.2024.82.35.032

**Институт защиты животных в законодательстве ЕС и в практике
Суда ЕС****Орлова Юлия Михайловна**

Кандидат юридических наук, доцент,
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
603950, Российская Федерация, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23;
e-mail: yulia_@mail.ru

Аннотация

В данной статье представлен краткий комментарий решений Суда ЕС, посвященных защите животных. В частности, подробно рассмотрен принцип защиты животных в праве ЕС и его связь с экологической политикой Европейского Союза, а также проанализированы выводы Суда ЕС относительно применимости норм Европейского Союза за пределами ЕС. Правовой базе защиты благосостояния животных не хватает ни прочной основы, ни согласованности, учитывая двойной статус животных как товаров и разумных существ. Коммерческая ценность животных для сельскохозяйственного сектора, а также соображения конкурентоспособности промышленности стали сильным фактором в разработке стандартов благосостояния животных Европейского союза. Таким образом, существующее законодательство демонстрирует предпочтение Союза к минимальной гармонизации. В будущем, судя по всему, давление в отношении эффективного обеспечения благосостояния животных и его дальнейшего развития будет усиливаться. В настоящее время Европейский парламент добивается постепенной замены перевозок живых животных и более региональной модели животноводства, в то время как Счетная Палата призывает к более эффективному расходованию средств на содержание животных и улучшению правоприменительной практики. Это давление неизбежно приведет к появлению нового прецедентного права ЕС.

Для цитирования в научных исследованиях

Орлова Ю.М. Институт защиты животных в законодательстве ЕС и в практике Суда ЕС // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 12А. С. 277-285. DOI: 10.34670/AR.2024.82.35.032

Ключевые слова

Защита животных, благополучие животных, законодательство ЕС о благополучии животных, биоразнообразии, сельскохозяйственный сектор, охрана окружающей среды.

Введение

По мнению великого гуманиста Махатма Ганди, «о величии нации и ее моральном прогрессе можно судить по тому, как обращаются с ее животными». Эта цитата нашла свое отражение в заключении генерального адвоката Суда ЕС по делу *Masterrind* (C-469/14 от 28.06.2016), связанного с защитой прав животных при транспортировке. Как правило, можно с уверенностью заявлять о том, что «уровень благополучия достаточен, если животное физически здорово, хорошо питается, находится в безопасности, способно проявлять свойственное ему естественное поведение, а также не испытывает неприятных ощущений (боль, страх, страдание)» [Блохин, Веселова, Матушкина, 2021, 42].

Забота о благосостоянии животных является одной из обязанностей Европейского Союза, и в настоящее время она закреплена в статье 13 Договора о функционировании Европейского Союза.

Начиная с 1970-х годов, в Европейском Союзе было разработано значительное количество законодательных актов, касающихся благосостояния животных, которые повлияли на развитие законодательства как самих государств-членов ЕС, так и их соседей. На данный момент существует уже более 25 Директив ЕС [Animal..., 25], связанных с поддержанием благосостояния животных. Следует отметить, что в соответствии с законодательными актами ЕС все «животные являются разумными существами» [Директива, 2010] и, соответственно, отношение к ним должно быть соответствующим. Как отмечают Д.М. Литвинов и Д.Е. Старцева «это первый случай, когда подобный статус закрепляется на межнациональном уровне и при этом носит императивный характер» [Литвинов, Старцева, 2020, www]. В Европейском Союзе принята Директива 2010/63 «О защите животных, используемых для экспериментов и других научных целей», Директива 98/58 «О защите сельскохозяйственных животных, содержащихся для нужд», Директива 91/628 «О защите животных во время перевозки» и многие другие.

В статье 13 Договора о функционировании Европейского Союза закреплено, что «Союз и государства-члены в полной мере учитывают потребности благосостояния животных как чувствительных существ» [Кашкин, 2024, 203]. Вместе с тем, более детальная, развернутая правовая база относительно мер по защите животных отсутствует, поэтому переоценить роль и вклад Суда ЕС в этот вопрос невозможно. Именно его практика является своеобразным руководством к действию и влияет на развитие как сельскохозяйственной, так и экологической политики ЕС.

Принцип благосостояния животных в законодательстве Европейского Союза

Первые директивы о благосостоянии животных были приняты на основе ст. 43 Договора о создании ЕЭС (ныне ст. 43 ДФЕС) об общей сельскохозяйственной политике, часто в сочетании со ст. 100 ЕЭС (ныне ст. 115 ДФЕС) о сближении законодательных, регламентарных и административных положений государств-членов, которые непосредственно влияют на создание или функционирование внутреннего рынка. Основной целью этих директив была гармонизация национального законодательства государств-членов по защите благосостояния животных и обеспечение надлежащего функционирования общего рынка.

С течением времени подход к защите животных изменился. В 1979 году Европейский Союз подписал Европейскую конвенцию о защите сельскохозяйственных животных, а в 2004 году

Европейскую конвенцию о защите животных при международной перевозке.

Кроме того, на уровне ЕС в 1992 году принимается Декларация №24 о защите животных. Чуть позже, в 1997 году, был принят Протокол о защите и благосостоянии животных 1997 г. Протокол явился следствием многочисленных инициатив по выделению защиты животных в отдельную сферу компетенции Сообщества. Главный принцип Протокола заключается в том, чтобы не наносить животным никаких дополнительных страданий. Он признает животных существами, имеющими чувства, и обязывает заботиться об их благосостоянии в трех сферах: выращивание, перевозка и забой.

В решении *Jippes* (C-189/01 от 12.07.2001), Суд ЕС впервые обозначил свою позицию относительно понятия «благосостояние животных» в праве Европейского Союза. В данной жалобе оспаривался запрет на вакцинацию и утверждалось, что он противоречит общему принципу права ЕС, требующему принятия всех необходимых мер для обеспечения благосостояния животных и гарантии того, что животные не будут без необходимости подвергаться боли или страданиям, а также что им не будет причинен неоправданный вред. В своем решении Суд ЕС отметил, что «обеспечение благосостояния животных не входит в перечень целей Договора, определенных в статье 2 Договора о ЕС, кроме того это требование не закреплено в статье 33 Договора о ЕС, которая регламентирует цели единой сельскохозяйственной политики». По мнению Суда, Конвенция о защите животных 1968 года также не может являться эталоном должного поведения, так как не дает ясного, точно определенного и безусловного обязательства, как и Декларация № 24, которая была заменена Протоколом 1997 года, формулировка которой была еще менее обязательной, чем формулировка Протокола. В связи с тем, что формулировка Протокола ограничивалась только четырьмя сферами деятельности Союза и предусматривала исключения, он не является документом с обязательной юридической силой.

Суд ЕС признал требование защиты прав животных как требование общественного интереса, выполнение которого должно быть соразмерным. Однако выводы Суда были слабыми и свидетельствовали о том, что вопрос благосостояния животных требуется развивать в законодательстве Европейского Союза. Выводы, изложенные в решении *Jippes*, Суд ЕС повторил в последующих решениях – *Viamex* (C-485/09 от 30.06.2011) о возврате экспортных платежей при транспортировке, и в деле *Andibel* (C-219/07 от 19.06.2008) о запрете на импорт, содержание или торговлю некоторыми видами животных, которые находятся под угрозой исчезновения.

Законодательство ЕС о благосостоянии животных на национальном уровне направлено на защиту биоразнообразия и не касается напрямую благосостояния животных. В решении *Andibel* Суду предстояло рассмотреть следующую ситуацию. Национальное законодательство Бельгии о защите животных устанавливало более строгие меры защиты, чем это было предусмотрено законодательством ЕС, ради благосостояния животных, содержащихся в неволе, и «с учетом того, что содержание млекопитающих допустимо лишь в ограниченном количестве случаев, учитывая минимальные физиологические и этологические потребности этих млекопитающих». В итоге, национальным органом был составлен список видов животных, которые могут содержаться в неволе. Образцы видов или категорий, не включенные в список, могли содержаться, только в зоологических садах, лабораториях, цирках и передвижных выставках, а также у частных лиц, законодательно признанных ответственными за защиту животных, также они могли содержаться фирмами, торгующими животными, при условии заключения предварительного письменного соглашения с физическими или юридическими лицами с одной

из вышеуказанных категорий. Суд ЕС установил, что в соответствии со ст. 36 ДФЕС это может быть оправдано на основании охраны здоровья и жизни животных.

Таким образом, можно предположить, что требования к благосостоянию животных могут, если они соразмерны преследуемой цели, служить основанием для более строгого экологического регулирования в смысле применения ст. 193 ДФЕС.

Вышеупомянутая судебная практика предшествовала принятию Лиссабонского договора и введению статьи 13 ДФЕС, которая признала принцип благосостояния животных юридически обязательным. В ней закреплено, что «при разработке и осуществлении политики Союза в сферах сельского хозяйства, рыболовства, транспорта, внутреннего рынка, научных исследований, технологического развития и космоса Союз и государства-члены в полной мере учитывают потребности благосостояния животных как чувствительных существ, уважая при этом законодательные или административные положения и обычаи государств-членов, в частности, по вопросам религиозных обрядов, культурных традиций и регионального наследия» [Кашкин, 2016, 203].

Благодаря включению в текст Договора статьи 13 в праве ЕС появился новый подход к понятию «благосостояния» животных. Вместе с тем, на практике это изменение создает явные противоречия с прежним статусом и защитой животных как «товара» в законодательстве Союза. Формулировка ст. 13 очень схожа с формулировкой Протокола 1997 года, а сфера действия этого положения остается ограниченной определенными областями деятельности Союза, с теми же религиозными и культурными исключениями. Суд ЕС придерживается такого же мнения о статусе требований к благосостоянию животных в законодательстве Европейского Союза. В частности, в делах *Schaible* (C-101/12 от 27.02.2012) и *Zuchtvieh* (C-424/13 от 25.07.2013), Суд ЕС в очередной раз заявил, что цели обеспечения благосостояния животных представляют собой «законные цели в общественных интересах, преследуемые законодательством Союза».

Таким образом, полномочия Европейского Союза по улучшению благосостояния животных путем принятия законов и их исполнения ограничены областями политики, исчерпывающе перечисленными в ст. 13 ДФЕС. Сфера благосостояния животных остается в политике здравоохранения и сельского хозяйства. Вместе с тем, политика Европейского Союза в сфере окружающей среды, хотя и не перечисленная в ст. 13 ДФЕС, также может стать дополнительной основой для регулирования благосостояния животных.

В своем ответе об отклонении Европейской гражданской инициативы «Наша озабоченность недостаточной помощью домашним и бездомным животным в Европейском Союзе» 2013 года Европейская Комиссия уточнила, что законодательство Союза о благосостояния животных было принято на основании статей 43(2) ДФЕС – Единая сельскохозяйственная политика, 114 ДФЕС – Внутренний рынок и 192 ДФЕС – Защита окружающей среды, поскольку принятое законодательство способствовало достижению конкретных целей соответствующих политик» [Refused..., 2013, www]. Учитывая позицию Еврокомиссии, основные инструменты защиты окружающей среды также могут учитывать критерий благосостояния животных, поскольку их сфера действия выходит за рамки окружающей среды в узком смысле слова. Однако общей тенденцией экологического законодательства Европейского Союза является то, что сельскохозяйственные животные рассматриваются в основном как товар или источник выбросов, а не как разумные существа.

Например, крупные птицы или свиньи для интенсивного выращивания подлежат процедуре оценки воздействия на окружающую среду в соответствии с Директивой 2011/92 об оценке воздействия некоторых государственных и частных проектов на окружающую среду, которая

была принята в 2011 году и изменена в 2014 году. Другие объекты интенсивного сельского хозяйства, рыбоводческие, а также объекты для убоя животных оцениваются, если они соответствуют критериям, установленным государствами-членами. Статья 3 Директивы гласит, что «оценка воздействия на окружающую среду должна выявить, описать и оценить прямое и косвенное воздействие проекта, в частности, на фауну и флору» [Директива 2011/92, www]. На практике, однако, под фауной и флорой подразумевается только дикая фауна и флора в их конкретном регионе или среде обитания. Это стало более очевидным после того, как в 2014 году в Директиву были внесены поправки. Статья 3 Директивы теперь требует оценки воздействия на «биоразнообразие, уделяя особое внимание видам и местам обитания, охраняемым согласно Директиве 92/43 и Директиве 2009/147» [Директива 2011/92, www]. «Сохранение биоразнообразия подразумевает два основных подхода – охрана его в природе (*in situ*) и в искусственно созданной среде обитания (*ex situ*)» [Веселова, Денисова, Палкина, 2022, 29]. То же самое относится к процедуре стратегической экологической оценки (которая регулирует оценку планов и программ) в соответствии с Директивой о стратегической экологической оценке, которая в п.10 ссылается на Конвенцию о биологическом разнообразии 1992 года, Директиву о средах обитания 1992 года и Директиву о птицах 1979 года (с поправками 2009 года). Эти две Директивы устанавливают положения о защите определенных видов флоры и фауны, когда они встречаются в более широкой природной среде.

Аналогичным образом, Директива о промышленных выбросах, принятая в 2010 году, требует специального разрешения для крупных промышленных установок, включая установки для интенсивного выращивания птицы или свиней и бойни, работающие на большой мощности. Разрешение должно учитывать все экологические показатели предприятия, а условия разрешения, включая предельные значения выбросов, должны быть основаны на наилучших доступных технологиях (НДТ) с целью предотвращения отходов, шума, пыли и запаха. Несомненно, эти аспекты могут принести пользу животным, но благосостояние животных не является целью НДТ. Напротив, некоторые предписанные меры могут противоречить благосостоянию животных, например, снижение температуры внутренней среды или уменьшение воздушного потока и его скорости для борьбы с чрезмерным запахом. Требования к благосостоянию животных в отраслевых обязательных нормах взаимодействуют с комплексным подходом Директивы о промышленных выбросах 2010 года, но не дополняют его. С точки зрения охраны окружающей среды, животные считаются источником выбросов.

Можно утверждать, что в комплексной процедуре выдачи разрешений нет места соображениям благосостояния животных, поскольку защита животных достигается самостоятельно, через требования законодательства о благосостоянии животных. Все объекты интенсивного сельского хозяйства должны соответствовать этим требованиям, независимо от их размера или воздействия на окружающую среду. Тем не менее, существует значительная разница того, как принцип пропорциональности используется в обоих режимах: схемы благосостояния предписывают минимальный стандарт ухода, который должен поддерживать здоровье, комфорт и возможность проявления врожденного поведения отдельного животного. Требования разумности и соразмерности обычно фигурируют только в общих положениях, которые гласят, что никто не может причинять боль, страдания или вред любому животному без разумной причины.

Вместе с тем, и Директива 2011/92 об оценке воздействия на окружающую среду, и Директива о промышленных выбросах 2010/75 предписывают «принимать во внимание сложную ситуацию на соответствующей территории, в частности, общую нагрузку проекта,

учитывая кумулятивный эффект с другими существующими или утвержденными проектами, принимая во внимание существующие экологические проблемы, связанные с зонами особой экологической важности, или использование природных ресурсов» [Директива 2011/92, www]. Подобный баланс общественных интересов отсутствует в регулировании благосостояния животных, но присутствует в защите исчезающих видов и птиц, которая допускает отступления в случае наличия причин, имеющих первостепенное общественное значение, и при отсутствии альтернативного решения.

Другие разрешительные процедуры также могут учитывать потребности домашнего скота, а соображения защиты благосостояния животных могут выполнять роль ограничения, как это было описано в решении *Andibel*. Такой подход поднимает сложные вопросы этики и моральной ответственности, если только мы не считаем, что срок жизни в шесть недель обеспечивает миллиардам цыплят-бройлеров, ежегодно выращиваемых в Европейском Союзе, комфортную и счастливую жизнь.

В качестве примера можно привести нильского крокодила (*Crocodylus niloticus*), который в Чешской Республике считается сельскохозяйственным животным. Его можно выращивать как сельскохозяйственное животное в помещении, выложенном плиткой, а затем убивать на скотобойне. Законодательные поправки, которые в 2013 году поставили крокодилов в одну категорию со свиньями и коровами были вызваны сомнительным бизнес-планом, а не отсутствием мяса на рынке. Несмотря на то, что мясники в этой стране не имели опыта убийства таких животных, было забито около 160 молодых крокодилов. Лишь небольшая часть их мяса нашла покупателя, в результате чего планы по продаже крокодильего мяса в рестораны высокой кухни сошли на нет. Несмотря на это, измененное законодательство остается в силе.

В 2013 году Европейский Союз принял Директиву 2013/64, согласно которой, Майотта (заморский департамент и регион Франции, расположенный между северо-западным Мадагаскаром и северо-восточным Мозамбиком) может содержать кур-несушек, выращенных в небогатых клетках, дольше, чем другие регионы (срок мог быть отложен до 4-х лет, так как требовались инвестиции). По нормам права ЕС, с января 2012 года выращивание кур-несушек в «традиционных батарейных клетках» было запрещено в соответствии с Директивой 1999/74, устанавливающей минимальные стандарты защиты кур-несушек, а также регулиующую торговлю, импорт и экспорт яиц, полученных в результате применения таких методов выращивания. Чтобы не нарушать принципов добросовестной конкуренции, яйца от кур из небогатых клеток могли продаваться только на местном рынке Майотты и должны были иметь специальную маркировку.

По объединенным делам C-132/14 – C-136/14, Парламент и Комиссия выдвинули единственное утверждение о том, что Совет, приняв оспариваемые акты, касающиеся ситуации на Майотте, на основании ст. 349 ДФЕС, выбрал неверную правовую основу. Комиссия заявила, что ст. 349 ДФЕС применяется только тогда, когда речь идет об отступлении от применения основного закона к внешним регионам. Если такого отступления нет, правовую основу для акта, который просто принимает политику в отношении этих регионов, как это было в случае с оспариваемыми актами, следует искать в положениях, относящихся к этой политике. В своем решении Суд ЕС пришел к выводу, что «статья 349 ДФЕС уполномочивает Совет принимать конкретные меры, направленные на установление условий применения к этим регионам не только положений Договоров, но и положений вторичного законодательства (...) эта статья не ограничивает полномочия Совета по принятию решений определенной категорией мер».

Поэтому Совет мог бы обосновать поправки в целом необходимостью учесть конкретную

ситуацию на Майотте в отношении значительных инвестиций, необходимых для замены небогатых клеток для кур, чтобы соответствовать экологическим целям, установленным законодательством Союза. Многие государства-члены также заявили о различных технических трудностях при реализации Директивы, что стало прекрасным примером проблем, связанных с исполнением законодательства Европейского Союза о защите животных, и редким случаем, когда государства-члены фактически предстали перед Судом ЕС.

В 2003 году Комиссия направила официальное уведомление нескольким государствам-членам относительно невыполнения Директивы. Дела трех государств-членов были переданы в Люксембургский суд. Дела Австрии (С-362/03) и Италии (С-392/03) были исключены из реестра Суда, а Бельгия (С-389/03) была признана не выполнившей свои обязательства. Она объяснила свою задержку в имплементации, с одной стороны, необходимостью получения предварительного согласия соответствующих региональных правительств и, с другой стороны, тем фактом, что еще не был достигнут консенсус относительно способа обращения с курами-несушками: некоторые региональные правительства хотели буквального переноса в национальное законодательство стандартов защиты, указанных в Директиве, другие органы выступали за принятие более строгих стандартов. Суд ЕС, однако, не счел эти аргументы оправданными, так как технические трудности, с которыми столкнулись государства-члены, не оправдывали Бельгию в неисполнении обязательств по имплементации Директивы.

Что касается запрета на небогатые клетки, то государствам-членам был предоставлен двенадцатилетний переходный период для принятия необходимых мер по его соблюдению. Тринадцать государств-членов получили письма от Комиссии с требованием исполнить положения Директивы, то есть имплементировать ее в национальное законодательство, и в итоге Италия и Греция предстали перед Судом ЕС. Другие дела о неисполнении обязательств были закрыты в 2015 году. В деле С-339/13 (*Комиссия против Италии*) и С-351/13 (*Комиссия против Греции*), Суд подтвердил, что значительное количество ферм в Италии и Греции продолжали использовать небогатые клетки. По данным Комиссии ЕС, на момент вступления запрета в силу на территории Италии все еще существовало 239 ферм, где в традиционных небогатых клетках выращивалось 11 729 854 курицы-несушки, а в Греции в августе 2012 года в 232 хозяйствах продолжали содержать 2 990 857 кур-несушек в небогатых клетках. На практике оказалось, что добросовестные предприниматели, которые исполнили обязательства по имплементации Директивы в срок конкурировали с теми, кто ее не имплементировал. Последние имели при этом более низкие производственные затраты, продолжая использовать батарейные клетки и не изменяя производственную структуру.

Заключение

Правовой базе защиты благосостояния животных не хватает ни прочной основы, ни согласованности, учитывая двойной статус животных как товаров и разумных существ. Коммерческая ценность животных для сельскохозяйственного сектора, а также соображения конкурентоспособности промышленности стали сильным фактором в разработке стандартов благосостояния животных Европейского союза. Таким образом, существующее законодательство демонстрирует предпочтение Союза к минимальной гармонизации. В будущем, судя по всему, давление в отношении эффективного обеспечения благосостояния животных и его дальнейшего развития будет усиливаться. В настоящее время Европейский

парламент добивается постепенной замены перевозок живых животных и более региональной модели животноводства, в то время как Счетная Палата призывает к более эффективному расходованию средств на содержание животных и улучшению правоприменительной практики. Это давление неизбежно приведет к появлению нового прецедентного права ЕС. Из проведенного краткого обзора практики, очевидно, что Суд ЕС признает благосостояние животных как цель, которая является законным общественным интересом для права Союза и как составляющий компонент защиты окружающей среды, когда речь идет о толковании технических требований, касающихся обращения с сельскохозяйственными животными. Учитывая их защитный характер, оба режима соответствуют сфере общего рынка, и их сближение, вероятно, продолжится, несмотря на различия в правовой базе.

Библиография

1. Блохин Г.И., Веселова Н.А., Матушкина К.А. Зоокультура. СПб.: Лань, 2021. 508 с.
2. Веселова Н.А., Денисова Е.В., Палкина П.О. Эффект посетителей зоопарка как фактор благополучия животных на примере львов *Panthera leo* (Linnaeus, 1758) // Самарский научный вестник. 2022. Т. 11. № 2. С. 29-34.
3. Директива Совета от 27 июня 1985 г. по оценке воздействий некоторых государственных и частных проектов на окружающую среду (85/337/ЕЭС).
4. Директива Европейского парламента и Совета Европейского Союза 2011/92/ЕС от 13.12.2011 об оценке воздействия некоторых государственных и частных проектов на окружающую среду (кодификация).
5. Кашкин С.Ю. Европейский Союз: основополагающие акты в редакции Лиссабонского договора с комментариями. М.: ИНФРА-М, 2024. 650 с.
6. Литвинов Д.М., Старцева Д.Е. Ответственность за жестокое обращение с животными: сравнительный анализа международного опыта. URL: https://pravo.hse.ru/data/2020/06/11/1606233720/Litvinov_Startseva_Zhestokoe%20obrashenie.pdf
7. Animal Welfare in the European Union. URL: https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2017/583114/IPOL_STU
8. Directive 2010/63/EU on the protection of animals used for scientific purposes, OJ L 276, 20.10.2010.12
9. Refused request for registration. URL: http://ec.europa.eu/citizens-initiative/files/non-registered/Pet_and_Stray_Animals_public_sv.pdf

Animal protection in the EU legislation and in the ECJ's jurisprudence

Yuliya M. Orlova

PhD in Law, Associate Professor,
National Research Nizhny Novgorod State University,
603950, 23, Gagarina ave., Nizhny Novgorod, Russian Federation;
e-mail: youlia_@mail.ru

Abstract

This article provides a brief commentary on decisions of the European Court of Justice on animal protection. In particular, the principle of animal protection in EU law and its connection with the environmental policy of the European Union is examined in detail, and the conclusions of the EU Court of Justice regarding the applicability of European Union norms outside the EU are analyzed in the paper. The legal framework for protecting animal welfare lacks either solid foundation or coherence, given the dual status of animals as commodities and sentient beings. The commercial value of animals for the agricultural sector, as well as industrial competitiveness considerations,

have been a strong factor in the development of European Union animal welfare standards. Thus, existing legislation demonstrates the Union's preference for minimal harmonization. In the future, pressures for effective animal welfare management and its further development are likely to increase. The European Parliament is currently pushing for a gradual replacement of live animal transport and a more regional model of livestock farming, while the Court of Auditors is calling for more efficient use of animal welfare funds and improved enforcement. The author concludes that the pressure will inevitably lead to new EU case law.

For citation

Orlova Yu.M. (2023) Institut zashchity zhivotnykh v zakonodatel'stve ES i v praktike Suda ES [Animal protection in the EU legislation and in the ECJ's jurisprudence]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (12A), pp. 277-285. DOI: 10.34670/AR.2024.82.35.032

Keywords

Animal protection, animal welfare, EU animal welfare legislation, biodiversity, agricultural sector.

References

1. *Animal Welfare in the European Union*. Available at: https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2017/583114/IPOL_STU [Accessed 12/12/2023]
2. Blokhin G.I., Veselova N.A., Matushkina K.A. (2021) *Zookul'tura* [Animal culture]. St. Petersburg: Lan' Publ.
3. *Directive 2010/63/EU on the protection of animals used for scientific purposes*, OJ L 276, 20.10.2010.12
4. *Direktiva Evropeiskogo parlamenta i Soveta Evropeiskogo Soyuza 2011/92/ES ot 13.12.2011 ob otsenke vozdeistviya nekotorykh gosudarstvennykh i chastnykh projektov na okruzhayushchuyu sredu (ko difikatsiya)* [Directive 2011/92/EU of the European Parliament and the Council of 12/13/2011 on the assessment of the environmental impact of certain public and private projects (codification)].
5. *Direktiva Soveta ot 27 iyunya 1985 g. po otsenke vozdeistvii nekotorykh gosudarstvennykh i chastnykh projektov na okruzhayushchuyu sredu (85/337/EES)* [Council Directive of 27 June 1985 on the assessment of the environmental impacts of certain public and private projects (85/337/EEC)].
6. Kashkin S.Yu. (2024) *Evropeiskii Soyuz: osnovopolagayushchie akty v redaktsii Lissabonskogo dogovora s kommentariyami* [European Union: fundamental acts as amended by the Lisbon Treaty with commentaries]. Moscow: INFRA-M Publ.
7. Litvinov D.M., Startseva D.E. *Otvetstvennost' za zhestokoe obrashchenie s zhivotnymi: sravnitel'nyi analiza mezhdunarodnogo opyta* [Liability for cruelty to animals: a comparative analysis of international experience]. Available at: https://pravo.hse.ru/data/2020/06/11/1606233720/Litvinov_Startseva_Zhestokoe%20obrashchenie.pdf [Accessed 12/12/2023]
8. *Refused request for registration*. Available at: http://ec.europa.eu/citizens-initiative/files/non-registered/Pet_and_Stray_Animals_public_sv.pdf [Accessed 12/12/2023]
9. Veselova N.A., Denisova E.V., Palkina P.O. (2022) Effekt posetitelei zooparka kak faktor blagopoluchiya zhivotnykh na primere l'vov *Panthera leo* (Linnaeus, 1758) [The effect of zoo visitors as a factor in animal welfare using the example of lions *Panthera leo* (Linnaeus, 1758)]. *Samarskii nauchnyi vestnik* [Samara Scientific Bulletin], 11, 2, pp. 29-34.